

Постепенно: «steppe by steppe...»

Рецензия на книгу: Moon D. The American Steppes: The Unexpected Russian Roots of Great Plains Agriculture, 1870s — 1930s. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. XL+431 p.

В. В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-2-174-184

Профессор истории Йоркского университета (Великобритания), приглашенный профессор Университета им. Назарбаева (Казахстан) Дэвид Мун опубликовал замечательную книгу про «русский след» в истории сельскохозяйственного освоения американских прерий. Тема настолько сложная и деликатная, что поднять ее под силу лишь специалисту, который был бы глубоко погружен в соответствующую проблематику, анализируя детали буквально на уровне словоупотребления. Именно таким человеком предстает перед читателем автор «Американских степей», увлеченно повествуя о вещах действительно неожиданных и невероятных для обладателя «стереотипного» исторического мышления. Уже в название своей монографии помимо слова «неожиданные» он выносит провокационное словосочетание: известно же, что «степь» — это в России, а в Америке — Великие равнины, прерии. Пусть даже существует между ними некое подобие с экологической точки зрения, но разве мог исторический опыт степного сельского хозяйства «отсталой» России иметь какое-то значение при освоении Дикого Запада «продвинутой» американской цивилизацией?

Вот против какого идеологического стереотипа Мун ведет решительную борьбу начиная прямо с названия книги. Я просто не мог пройти мимо изящного двуязычного каламбура, которым он озаглавил одну из своих более ранних публикаций по теме, чтобы подчеркнуть закономерность и постепенность того процесса, сутью которого было естественное стремление американцев опереться на исторические достижения русских в аграрном освоении

своих степей¹, и вынес его в заголовок этой рецензии, добавив от себя созвучное, но не однокоренное со степью: «постепенно». Достижения эти ученый также исследовал на монографическом уровне, тем самым давая понять представителям профессионального сообщества, насколько нелепым было бы со стороны американцев игнорирование опыта нашей страны². А вот о том, как и в каких формах в реальной истории США был воспринят этот опыт, собственно, и повествуют «Американские степи».

Автор подчеркивает, что в результате его усилий по написанию «транснациональной истории освоения Великих равнин и степей на основе современных источников, путевых заметок американцев и россиян, посетивших степные просторы другого континента, обнаруживаются не столько контрасты между двумя странами, сколько черты сходства. Многие исследователи таких российско-американских записок о путешествиях сходятся во мнении, что их лейтмотивом является сознательный поиск «различий» и «контрастов»³. Далее обычно утверждается, что для общего восприятия русскими Америки и американцами России — как до, так и после 1917 года — были характерны метания между отношением весьма позитивным и резко негативным. По словам Маргариты Мариновой, эти страны рассматривались как «альтернативные утопические и антиутопические миры», которым «готовы были с энтузиазмом подражать или же, напротив, с не меньшей страстью возражать»⁴. Однако содержание этой книги скорее соответствует появляющимся в последнее время призывам к тому, чтобы бинарная дихотомия «Россия–Запад» была как таковая демонтирована (р. 31–32). Нельзя не отметить, насколько своевременно опубликованы «Американские степи». Ведь если допустить, что демонтаж означенной дихотомии — не полная утопия, то трудно переоценить ту роль, которую может сыграть в этом данное исследование и подобные ему работы историков.

Но вернемся к постепенности. Эта история начинается, по мнению автора, еще до того, как США обретают статус независимого государства, когда российская императрица отчасти из культуртрегерских соображений начинает всячески поощрять появление немцев и других европейских колонистов на степных просторах нашей необъятной страны. Пахотное освоение целины надлежит, мол, осуществлять методично

1. Moon D. (2016). Steppe by Steppe: Exploring Environmental Change in Southern Ukraine // GE. № 9. P. 414–439.
2. Moon D. (2013). The Plough that Broke the Steppes: Agriculture and Environment on Russia's Grasslands, 1700–1913. Oxford: Oxford University Press.
3. См.: Эткунд А. М. (2001). Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.
4. Marinova M. (2011). Transnational Russian-American Travel Writing. Abingdon (UK): Routledge. P. 152.

и культурно, по-немецки. Особенно важно здесь то историческое обстоятельство, что указом Екатерины от сентября 1787 года заинтересовались общины меннонитов, чьи пацифистские убеждения не позволяли нести боевую армейскую службу, а тут наряду с прочими льготами поселенцам даровалось и такое право. Эти люди стали активно прибывать к местам нового обитания. В результате к тому моменту, когда царское правительство в 1874 году декретировало-таки для них обязательность воинской службы, побудив тем самым к массовому переселению в американские прерии, опыт степной жизни у меннонитов насчитывал несколько поколений.

Они везли с собой на новую родину не только навыки выживания один на один со степной природой, но также и средства такого выживания, важнейшим из которых были твердые сорта пшеницы, в частности «Краснотурка» (Turkey Red). Мун пишет, что стремился максимально подробно исследовать такие аспекты проникновения в США российского опыта ведения сельского хозяйства в степной полосе, как научные достижения в области почвоведения, генетики растений, агротехники. И понятно, что в этом случае внимание историка сосредоточивается на деятельности соответствующих ученых и чиновников, от которых зависит финансирование исследований и внедрение их результатов. На периферии этого внимания остаются моменты, связанные с тем, в каком конкретно виде все это могло доходить непосредственно до фермеров, как воплощалось в их практической деятельности. Однако тот факт, что в засушливое время начала 1890-х годов жадный интерес соседей-фермеров возбуждало успешное преодоление невзгод прибывшими из-за океана общинами меннонитов, отслеживается по документальным источникам вполне отчетливо. И это служило хорошим катализатором вполне серьезного отношения к русскому опыту освоения прерий.

Таким образом, становится понятно, почему в качестве нижнего порога заявленной в монографии Муна хронологии исследования принимаются 70-е годы позапрошлого века: в это время в Америку в заметных количествах прибывают русские немцы, которые начинают деловито и методично применять свой богатый опыт степного хозяйствования на новой родине — в прериях. Важной частью этого опыта наряду с твердыми засухоустойчивыми сортами пшеницы была практика высадки защитных лесополос. Это ведь тоже целая наука: какие растения в каком порядке и в какой конфигурации высаживать для достижения оптимальных результатов в борьбе с эрозией вспаханной почвы, с суховеями и т.п. А за плечами переселенцев почти столетняя практика, которая, как известно, в науке выступает критерием истины. Конечно, для любой науки характерен еще и спор. И в данном случае можно и нужно спорить, насколько методы ведения сельского хозяйства в условиях засушливых прерий американскими скваттерами и другими

поселенцами вырабатывались самостоятельным опытом, насколько как-то и где-то заимствовались. К примеру, столь авторитетный специалист в аграрной науке, как А. Н. Челинцев, в опубликованном в 1909 году «Обзоре русской литературы по сельскому хозяйству» утверждал, что русские и американцы вырабатывали свой опыт ведения земледелия в полузасушливых степных регионах вполне самостоятельно (р. 19). Однако в исследовании Муна во множестве приводятся факты и соображения в пользу заинтересованного знакомства американских специалистов с российским опытом — и до 1909 года, и, конечно же, после.

«В начале двадцатого века, — пишет он, — русские специалисты, знакомые с сельским хозяйством американских равнин, например, Николай Тулайков, отмечали сходство в техниках, используемых земледельцами в обоих регионах. Они выделяли глубокую вспашку, регулярную обработку почвы и очистку парового поля от растительности» (р. 18). При этом историк делает ссылку на текст Н. М. Тулайкова в 12-м томе «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук», опубликованном в Петербурге в 1912 году. Это к вопросу о том, где можно было почерпнуть подобную информацию читающим людям с обеих сторон. А в ежегоднике Министерства сельского хозяйства США за 1900 год описывались полевые практики меннонитов, которые применялись ими в российских степях еще в 1830-е годы и с успехом были перенесены на американские прерии, помогая выживать в засушливое время начала 1890-х годов (р. 19). Помимо меннонитов были и другие немцы, переселявшиеся сюда из России, чтобы продолжать заниматься привычным делом в суровых условиях Великих равнин. Их история также внимательно изучается сегодня⁵.

Приводится в этом смысловом ряду и еще один весьма любопытный факт. В 1909 году в работе Конгресса по засушливому земледелию, проходившего в г. Шайенн, штат Вайоминг, принял участие И. Б. Розен, который по должности своей являлся российским земским агентом в США. В своем «Отчете старшего агента Екатеринославского земства в Соед. Штатах с 1-го октября 1908 г. по 1 марта 1909 г.» он сообщал, с каким интересом участники Конгресса выслушали его информацию о том, что в Российской империи уже в течение двух десятилетий в опытных хозяйствах проводится разработка методов ведения сельского хозяйства в засушливых регионах. Отчет этот был опубликован в № 7 «Известий земской сельскохозяйственной агентуры в Соединенных Штатах» (Екатеринослав, 1909) (Ibid.).

5. Автор ссылается на: *Otto J. S.* (1984). From the Russian Steppes to the North Dakota Prairies: The Agricultural Practices of a Russian-German Family // *Journal of the American Historical Society of Germans from Russia*. Vol. 7. № 1. P. 137–144.

Мун пишет о том, что в 1920–1930-е годы в отделе Министерства сельского хозяйства США, который занимался исследованием почв с целью составления практических рекомендаций фермерам, имела место настоящая «Русская революция». Ее возглавлял начальник этого отдела К. Марбут, бессменно руководивший данной службой с 1913 года и до конца своих дней, до 1935 года. Революционные силы, как водится, сталкивались со значительным сопротивлением, включая и самого министра, однако Марбут был хорошо знаком с теми принципиальными достижениями в области методологии изучения и классификации почв, что были связаны с именами В. В. Докучаева и его учеников, и был убежден, что его дело правое. Еще за полвека до этих идеологических столкновений в коридорах американской власти русские ученые занимались полевыми работами по анализу плодородного чернозема в степном регионе своей страны: «Русские анализировали поперечные срезы почв, стремясь понять, как они на протяжении длительного времени формировались на материнской породе под воздействием таких факторов, как виды растительности, климат, рельеф местности. Российская теория почвообразования позволяла классифицировать почвы, относя их к определенным типам, причем такая классификация имела всеобъемлющее применение. Марбут узнал о новом почвоведении из книги, написанной на немецком языке Константином Глинкой, одним из учеников Докучаева. Сверяя работы российских почвоведов с реалиями Великих равнин, Марбут пришел к выводу, что почвы на Великих равнинах были в основном такими же, как и степные, и что российская наука могла и должна была применяться к исследованию почв Соединенных Штатов» (р. 14–15).

И вот тут мы ненароком подошли к вопросу о верхней границе той хронологии, что заявлена в теме рецензируемой монографии. Почему 1930-е годы? Необходимо отметить, что именно в эти годы развитие почвоведения учениками и последователями В. В. Докучаева все более втягивается в область идейно-политической борьбы. Если у Марбута не вызывает сомнений необходимость отталкиваться от достижений русских почвоведов при выработке научно-практических рекомендаций своим американским фермерам-степнякам, то в СССР этот момент постепенно оказывается под большим вопросом. Дело в том, что советское политическое руководство ожидало получить от своих ученых-аграрников какие-то радикальные рецепты, применение которых помогло бы решительно преодолеть экономическую и технологическую отсталость главного сектора экономики страны. Претензии на то, чтобы «догнать и перегнать» Америку, что якобы становилось возможным вследствие революционного прорыва страны к более прогрессивному в сравнении с капитализмом «способу производства», были неотъемлемой частью политической пропаганды.

1930-е годы это еще и вставшая во весь рост перед американскими политиками и экспертами проблема «пыльных котлов»⁶, когда глубоко вспаханная почва прерий в засушливое время выдувалась степными ветрами в таких количествах, что в 1930–1936 годы это приобрело характер национального бедствия. В непосредственной связи с этим потрясающим природным явлением на страницах книги Муна появляется еще один важный герой — Рафаэль Зон. Уроженец Симбирска, т. е. выходец из лесостепной полосы России, он преследовался царской охранкой за свои народнические убеждения и вынужден был скрываться в Европе, а затем перебрался в США. Получил университетское образование в области лесоводства, чему и посвятил свою необычайно плодотворную профессиональную деятельность.

В 1930 году Р. Зон, поздравляя К. Марбута с присуждением весьма почетной награды Американского географического общества — медали Каллума, в частности писал ему: «Вы, безусловно, сделали для американского почвоведения то, что Докучаев и Глинка сделали для российского почвоведения». Комментируя этот факт, Мун подчеркивает, что сам Зон «сыграл подобную же роль в том, чтобы передать Соединенным Штатам достижения российской науки о лесном хозяйстве» (р. 276). В июле 1934 года Ф. Рузвельт своим указом ассигновал гигантскую сумму из фонда борьбы с чрезвычайными ситуациями на цели насаждения защитных лесополос в прериях. «Нью-Йорк таймс» по горячим следам события реагировала так: «Президент Рузвельт дал сегодня сигнал к началу в регионе Великих равнин крупнейшего проекта по облесению, который осуществлялся бы за пределами Советской России, — эксперимента по контролю климата в целях борьбы с разрушительными последствиями засухи».

Неделю спустя та же газета опубликовала обстоятельную статью, в которой говорилось, что эта страшная стихия «напоминает наблюдателям “черные бури”, временами опустошающие Украину и черноземный пояс России, когда тучи пыли затмевают небо». Статья была подписана Главным лесничим США, но подготовил ее директор одной из государственных опытных станций лесоводства Зон. Далее в статье со знанием дела утверждалось, что семидесятилетний российский опыт степных лесонасаждений показывает возможность ощутимо воздействовать на показатели атмосферной влажности и количества осадков, что российские лесопосадки наряду с существующими в Канзасе и Небраске

6. Сам термин «*Dust Bowl*» для обозначения именно этой катастрофической американской серии пыльных бурь первоначально появился в публицистике США и предположительно связан с образом Великих равнин как живописных природных чаш, окруженных невысокими горами. Затем в этом качестве словосочетание стало использоваться и в исследовательской литературе.

ветрозащитными полосами имеют своим следствием заметное улучшение условий для эффективного земледелия (р. 277–278). Можно спорить о той роли, которую сыграла и продолжает играть высадка лесов в Великих равнинах в числе других научно-практических стратегий в борьбе с «пыльными котлами». Но роль Зона в том, чтобы максимально привлечь к этому делу опыт и достижения своей исторической родины, представляется автору «Американских степей» выдающейся.

Возвращаясь к деятельности неутомимого Марбута, отметим, что в 1927 году в Вашингтоне состоялся первый Международный конгресс почвоведов, на котором советскую делегацию чествовали как земляков, учеников и последователей В. В. Докучаева. В 1930 году будет работать второй Конгресс в Ленинграде и Москве, и в дальнейшем эти форумы ученых сделаются в мире регулярными, а к 1930 году советско-американские отношения обострятся настолько, что почвоведом США придется ехать в СССР по собственной инициативе и за свой счет. Но в 1927 году делегация нашей страны в Вашингтоне была представительной, а по окончании работы Конгресса для его участников хозяевами были организованы весьма познавательные поездки и экскурсии с посещением сельскохозяйственных предприятий, заводов и фабрик агропромышленного комплекса США. Наверное, одним из самых заинтересованных экскурсантов был Н. М. Тулайков, к деятельности и научному наследию которого Мун довольно часто обращается в своей монографии. Это была далеко не первая американская поездка выдающегося российского аграрника, ему было с чем сравнивать свои новые впечатления. Уже в 1920-е годы во время заокеанских командировок острый взгляд эксперта улавливает все то, что он искренне и не без основания считает двигателем прогресса и что посредством публикации популярных брошюр старается сделать достоянием советской читающей общественности: «Организация распространения сельскохозяйственных знаний среди населения Соединенных Штатов» (М., 1923), «Как работает американская Петровка» (М., 1924)⁷.

На этот раз воображение Тулайкова было поражено тем, насколько динамичными оказались изменения в работе отрасли со времени его предыдущей поездки в США в 1922 году. Он собственными глазами увидел, что профессор-экономист О. Е. Бекер в докладе на Конгрессе несколько не преувеличивал, утверждая, «что за последние пять лет, или, вернее, со времени предыдущего

7. Это о его впечатлениях от посещения двух десятков университетов и сельскохозяйственных колледжей в США, которые Тулайков почетно и обозначил как «Петровка», сравнил с Российской сельхозакадемией. См.: *Никулин А. М.* (2014). Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М. С. 102–105.

ценза (с.-х. перепись) в 1920 году до переписи в 1925 году, в сельском хозяйстве Соединенных Штатов произошло больше перемен, чем за два предыдущих десятилетия, хотя на них падает экспансия сельского хозяйства в связи с войной». Глубокое впечатление произвел на него и тот факт, что процент фермеров «в общем числе всех занятых в производстве лиц» сократился с 83,1 в 1920 году до 24,5 в 1926 году. И при этом уровень потребления населением продовольствия лишь возростал.

Налицо был переход количественных показателей механизации и автоматизации производственных процессов в новое качество функционирования производства. Тулайков подобрал обобщающее слово: «конвейер». Этот конвейер «с методичностью машины превращает присматривающего за ней рабочего тоже в машину, который с такой же методичностью должен произвести принадлежащую ему часть работы, чаще всего механически, не думая». Тулайков подробно и очень выразительно рассказывает читателю про ту фатальную неизбежность, с которой металлические заготовки, попавшие в этот конвейер, превращаются в умные машины, а быки и свиньи — в качественно разделанную и упакованную мясную продукцию. «Так и кажется, — пишет он, — что если молодой скакавший на привольных полях Монтаны шортгорн попал на скотопригонный двор компании Свифта, то неумолимым, как судьба, конвейером он превратится в тушу, вырезку, филе.

И если по пути конвейера бесформенная болванка чугуна превращается в чуть ли не одухотворенную машину-трактор или автомобиль, то на том же пути и с той же неизбежностью живая свинья превратится в ветчину, сосиски, раз только она попадает на этот конвейер.

Но может быть, не место на страницах этого журнала философствовать о конвейере в нашей жизни вообще»⁸. Не могу здесь удержаться от реплики: размышляя о том, каким способом люди производят продовольствие, с какими мыслями, чувствами, убеждениями, ты вольно или невольно попадаешь в то поле интеллектуальной деятельности, которое испокон веков застолбили за собой философы. Вспомнился анекдот позднесоветской поры: «— Вы что же, полагаете, что мы отстаем от США в сельском хозяйстве? — Полагаю. — Интересно. И на сколько же? — Навсегда».

Это была последняя командировка Н. М. Тулайкова в США, в связи с которой ученый свои впечатления и размышления, как обычно, постарался довести до читателя через популярную брошюру. «На это сочинение Тулайкова, — подчеркивает А. М. Никулин, — обратил внимание сам Сталин, на Пленуме ЦК ВКП(б) (июль

8. *Тулайков Н. М.* (1927). Несколько впечатлений о поездке в Соединенные Штаты и Канаду. Саратов. С. 7, 10, 20, 23.

1928 г.) цитировавший из тулайковской книжки целые куски, правда, не про конвейер, но про уникальные особенности громадных размеров американской зерновой фабрики в полемике с критиками форсированного развития крупных советских хозяйств в ущерб семейным крестьянским хозяйствам»⁹. Надо полагать, это сыграло свою роль в том, как мышление советского политического руководства продвигалось в направлении решительного перехода к политике коллективизации. Так что, наряду с поисками «русского следа» в аграрном освоении американских прерий, впору получше присмотреться, не «наследили» ли американцы своими продвинутыми агропромышленными технологиями в истории превращения России крестьянской в развитой индустриальный Советский Союз.

А Тулайкову в 1930-е годы предстояла острая научная полемика со сторонниками академика В. Р. Вильямса, которых возглавил тогда Т. Д. Лысенко. Этим последним, равно как и самому «народному академику», как-то более ловко удавалось убедить представителей коммунистического руководства страны в том, что предлагаемые ими методы выведения устойчивых к морозу и засухе сортов пшеницы и способы обработки почв — более рациональный и, главное, быстрый путь к сокращению разрыва с США, нежели то, о чем твердят в этих спорах «буржуазные спецы». Мун в Заключении своей книги пишет об этом так: «Стремление модернизировать советское сельское хозяйство и промышленность сопровождалось попытками заменить “буржуазных специалистов” учеными, подготовленными при Советской власти, которые были бы более надежными политически. Хорошо известна трагическая судьба Н. И. Вавилова. Ведущий советский ученый, признанный во всем мире авторитет в области своей научной специализации, он упорно трудился над выведением более продуктивных и выносливых сортов сельскохозяйственных культур, то есть ради продовольственной безопасности своей страны, не раз пережившей голод. И на него ополчились молодые, однако менее талантливые. Трофим Лысенко, выходец из украинской крестьянской семьи, утверждал, что мог бы сделать то же самое, но куда быстрее (особо не утруждаясь научным обоснованием). Ужасающий парадокс состоит в том, что Вавилов умер от недоедания в тюрьме в Саратове, в степной области в 1943 году» (р. 396). Здесь же он с прискорбием упоминает, что после ареста в августе 1937 года Тулайков на следующий год погиб в тюрьме при невыясненных обстоятельствах.

Время имеет свойство все расставлять по своим местам, какому бы отчаянному идейно-политическому искажению ни подвергалось то или иное историческое событие по горячим следам. Прошли времена, когда генетику полшутя-полусерьезно клеймили

9. Никулин А. М. Указ. соч. С. 105.

«продажной девкой империализма»¹⁰, и имя Н. И. Вавилова заняло свое достойное место не только в истории мировой науки о растениях, но и отечественной тоже. А читая такие книги, как «Американские степи», так и хочется почвоведение обозначить прилагательным «докучаевско-тулайковское» — по аналогии с какими-нибудь «вейсманистами-морганистами» или даже с «марксистско-ленинской» общественной наукой. Только усугубляется такое желание при воспоминании о том, сколько дров было наломано во время хрущевской целинной эпопеи в результате недостаточно продуманного подхода к технологиям обработки степных черноземов.

Мы притронулись в этом контексте к довольно мрачным страницам родной истории 1930-х годов лишь для того, чтобы уточнить для себя, почему Д. Мун обозначил для своего исследования такие хронологические рамки: 1870–1930-е годы. Между тем сам исследователь в Заключении предлагает мысленно расширить эти рамки, максимально глубоко вглядываясь в предысторию вопроса (оседлые государства и степь) и внимательно посмотрев, как выглядит проблема сегодня. Становится понятно, что масштабная распашка степных черноземов с целью обеспечения продуктами питания растущего несельскохозяйственного, буржуазного, городского населения с использованием современных научных достижений, технологий, транспортной и рыночной инфраструктуры представляет собою одну из величайших трансформаций в глобальной экологической истории. В такой постановке вопроса куда-то в сторону отодвигается привычная для историков проблематика общественного прогресса, способа производства, общественно-экономических формаций, политических или идеологических режимов. И тогда оказывается, что нет ничего «неожиданного» в том, что в сельском хозяйстве прерий в «продвинутых» США обнаруживается наследие «отсталой» России. Просто Россия, где оседлое население с развитой государственностью и культурой непосредственно соседствовало со степью кочевников, почти столетием раньше стала делать приблизительно (очень приблизительно) то же, что стало происходить и в рамках аграрного освоения Великих равнин.

«Этот процесс, — пишет Мун, — начался на западе евразийских степей, на территории современных юга России и Украины, в восемнадцатом веке. В девятнадцатом и двадцатом веках великой

10. Хлесткое выражение ошибочно приписывалось Т. Д. Лысенко, что сыграло свою роль в ретроспективной вульгаризации той научной полемики, которую вели сторонники почвоведческих идей В. Р. Вильямса и его оппоненты. На самом деле фраза была подхвачена («ушла в народ») из постановки Ленинградского театра миниатюр под руководством А. Райкина по пьесе писателя-сатирика А. А. Хазина «Волшебники живут рядом» (1964 г.).

вспашке подверглись также и обширные территории прерий, Великих равнин Северной Америки, пампасов Южной Америки, вельдов Южной Африки и земель в Австралийско-Азиатском регионе, Северной Индии, Северной Африке, на равнинах Венгрии и Румынии, а также на востоке евразийских степей — в Южной Сибири и Северном Казахстане. Мировые луга и саванны были завоеваны и колонизированы государствами с оседлым аграрным населением регионов с более влажным климатом, иногда непосредственно примыкающих к степной местности, как в Российской империи, или являющихся частью заморских империй Европы» (р. 407).

Можно, конечно, было бы поразмышлять здесь и о том, насколько подобными друг другу были эти процессы колонизации, осуществлявшиеся отсталыми россиянами и передовыми европейцами. Но это все же несколько другая история¹¹. Поэтому еще раз подчеркну, насколько важной и своевременной я считаю монографию Д. Муна о неожиданном русском следе в американских степях, к содержанию которой и хотел бы привлечь внимание коллег этой рецензией.

Gradually: “steppe by steppe...”

Review of the book: Moon D. The American Steppes: The Unexpected Russian Roots of Great Plains Agriculture, 1870s — 1930s. Cambridge: Cambridge University Press, 2020, XL+ 431 p.

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Department of Political-Legal Disciplines and Social Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

11. Лично мне в этом плане близка та постановка вопроса, которую Ф. Л. Синицын обосновывает в монографии «Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991». См.: *Бабашкин В. В.* (2021). Об оседлости и «обоседлении» // Крестьяноведение. Т. 6. № 3. С. 172–179.